

УДК 34

Риски коррупции в области использования и охраны водных объектов

**Сиваков Дмитрий Олегович, ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, кандидат юридических наук**

dmitrius1978@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье автор проводит критический анализ правового регулирования водных отношений на предмет выявления коррупционных рисков и зафиксированных коррупционных проявлений. Опираясь на судебную практику и результаты научных исследований, автор выявляет «болевые точки» водного законодательства России и вносит предложения по восполнению изъянов действующего права с целью обеспечения эффективной работы по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений в области использования и охраны водных объектов. **Ключевые слова:** водное законодательство, судебная практика, водопользователи, договоры водопользования, коррупционные риски и проявления.

Постановка вопроса. Цель исследования заключается в критическом анализе правового регулирования водных и смежных отношений на предмет выявления коррупционных рисков и зафиксированных коррупционных проявлений с вытекающими из него предложениями по их устранению. В задачи исследования входят критический анализ федеральных законов, подзаконных нормативных

правовых актов, отражение судебной практики в связи с коррупциогенными факторами, приводятся коррупционные проявления в ряде сегментов практики правоприменения.

К сожалению, коррупционные риски и проявления в области водных отношений во многом обусловлены дефектами и противоречиями водного законодательства. При этом принимается во внимание, что проблематика

UDC 34

Corruption risks in the use and protection of water bodies

Sivakov Dmitriy Olegovich, leading researcher of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of sciences (law)

dmitrius1978@yandex.ru

Annotation: In the offered article the author carries out the critical analysis of legal regulation of the water relations regarding identification of corruption risks and the recorded corruption manifestations. Relying on jurisprudence and results of scientific research, the author reveals «painful points» of the water legislation of Russia and makes offers on completion of defects of the law in force for the purpose of ensuring effective work on prevention and suppression of corruption manifestations in the field of use and protection of water objects. **Key-words:** water legislation, jurisprudence, water users, contracts of water use, corruption risks and manifestations.

противодействия коррупции не существует изолированно от других задач правового регулирования освоения и использования обширного водного фонда России. Коррупция во всех ее видах — существенное препятствие для обеспечения неистощимого водопользования и существенно осложняет охрану водных объектов и сопряженных с ними земель, а также защитных лесов.

Важной задачей исследования является рассмотрение отношений в области исполь-

зования и охраны водных объектов и всего водного фонда России в связи с антикоррупционной политикой. В России сформировано комплексное законодательство в сфере противодействия коррупции, распространяющееся в том числе и на природоресурсные отношения.

В базовом Федеральном законе от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] дано определение коррупции как злоупотребления служебным положением,

дачи взятки, получения взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершения указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. Впервые в России было дано легальное определение коррупции, что имеет значение для дальнейшего развития законодательства антикоррупционной направленности.

Законом также определено понятие противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

— по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

— по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

— по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 N 460 утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции [2].

Стратегия противодействия коррупции является общим программным документом, положения которого должны последовательно конкретизироваться с учетом требований времени в Национальном плане противодействия коррупции на соответствующий период, а также в планах по противодействию коррупции федеральных государственных органов, органов власти субъектов РФ и муниципальных образований. Национальный план противодействия коррупции является документом, в котором закреплены конкретные меры противодействия коррупции (разным ее видам) в общероссийском масштабе [3].

Риски и проявления коррупции на современном этапе развития водного законодательства. В области использования и охраны водных объектов России коррупция усиливает экологические угрозы и подрывает систему правового регулирования отношений по использованию и охране природных ресурсов, включая земельный, водный и лесной фонды. Коррупция в указанной области нередко выходит за рамки рутинных отношений граждан и должностных лиц (бытовая коррупция) и касается отношений в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (деловая коррупция). Она нередко подпитывается имеющимися отрицательными явлениями монополизма и правового нигилизма. Для борьбы с коррупционными проявлениями в этой области необходимо не только строгое исполнение требований закона, но и дальней-

шее развитие водного и смежного законодательства, исключающее коррупционные риски и проявления.

Вот уже десять лет действует Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006г. N 74-ФЗ [4] (далее — ВК РФ) — «сердцевина» водного законодательства нашей страны. Принятие ВК РФ означает новый этап развития водного права [5]. В целом для этого этапа развития характерно существенное сокращение административных (разрешительных) способов регулирования. Законодатель намерен предоставлять участникам отношений большую самостоятельность, что выражается в развитии договорных отношений. Однако само по себе это лишь затрудняет, а не упраздняет в корне коррупционные риски и проявления. За десять лет (2006–2016 гг.) ВК РФ менялся каждый год. Однако недостатки, незавершенность и недосказанность ряда положений отечественного водного законодательства сохраняется. Между тем, дефекты водного законодательства отрицательно сказываются на практике правоприменения: возникают непростые судебные споры.

Российскими учеными отмечается, что положения водного законодательства об общем пользовании водными объектами и их береговых полос (при ряде исключений), бесплатном характере пользования ими для личных и бытовых нужд не всегда реализуются на практике. В силу коррупционных проявлений должностные лица нередко не выделяют береговую полосу общего пользования, поощряют застройку берегов водных объектов прямо до уреза воды, что препятствует за-

конному доступу граждан. Нередко захватываются и вырубаются ценные лесные массивы и насаждения. При этом сведение лесной растительности, как правило, нарушает природные механизмы самоочищения водоемов и водотоков [6, с. 305–309].

Потенциально опасны неоформленные по требованиям закона, но «не замечаемые» органами власти и должностными лицами забор и сброс хозяйственными субъектами водных ресурсов из труднодоступных водных объектов, неучтенные водозаборы, скважины, колодцы, самовольная закачка сточных вод в недра. Коррупционные проявления приводят к нарушению требований и условий водопользования, подрывают правовые режимы водоохраных и санитарных зон, площади которых инвестиционно привлекательны для застройки.

По указанным причинам коррупционные проявления в изучаемой области даже при обилии запасов вод нарушают систему охраны водного фонда и научно обоснованного нормирования водопользования. Ведь по оценкам специалистов забор воды свыше 15 % речного стока может привести к постепенному истощению этого водотока [7, с. 22, 23].

Довольно часто суды констатируют нарушения в области организации аукционов на право заключения договоров водопользования, нарушения ряда условий договоров водопользования, использования хозяйствующими субъектами водоемов и водотоков без договоров водопользования и решений о предоставлении водных объектов в пользование (в тех случаях, когда Законом предписаны эти

правоустанавливающие документы). На практике встречаются случаи, когда в договоре водопользования, вопреки требованиям статьи 13 ВК РФ, не даны сведения о водном объекте или его части, в том числе описание местоположения береговой линии (границы водного объекта), в пределах которых предполагается осуществлять водопользование. Это создает определенные возможности для манипулирования. В данных случаях суды резонно считают договоры незаключенными.

Малые водоемы и проявления коррупции. Исходя из принципиальных положений ст. 8 ВК РФ, водные объекты находятся в федеральной собственности. Исключение составляют пруды и обводненные карьеры, расположенные в границах земельных участков, принадлежащих на праве собственности субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, физическому лицу, юридическому лицу. Эти водоемы находятся соответственно в собственности субъекта Российской Федерации, муниципального образования, физического лица, юридического лица, если иное не установлено федеральными законами.

Право собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, физического лица, юридического лица на пруд, обводненный карьер прекращается одновременно с прекращением права собственности на соответствующий земельный участок, в границах которого расположены такие водные объекты. В то же время, законодатель не определяет понятие прудов и обводненных карьеров, что

создает сложности с определением на практике круга водоемов, которые могут быть в частной собственности. В свою очередь, некоторые определения разных видов водных объектов в ГОСТах не имеют обязательной силы и сами по себе не могут восполнить этот дефект в законодательстве.

Целый ряд прудов был образован путем подпора рек и ручьев. Образованные таким образом русловые пруды, хотя и являются с точки зрения гидрологии частью водотока (реки или ручья), не имеют четко определенной законодателем судьбы. В этой части законодательство (как федеральное, так и региональное) не определяет допускаемые формы собственности на русловые пруды. Пробелы в законодательстве способствуют устремлениям ряда физических и юридических лиц по приобретению названных русловых водоемов в собственность, либо аренды этих водоемов вместе с примыкающими земельными участками.

Практика арбитражных судов, как правило, не поддерживает подобные иски и идет по пути закрепления государственной собственности на данные водоемы. В качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 ноября 2015 г. по делу N А63-6060/2014 [8]. В постановлении в связи с обстоятельствами дела судом был сделан важный вывод: нахождение прудов на водотоке балки Каменная Горка (левый приток реки Тугулук) и реки Ключевка и отнесение их к акватории названных поверхностных объектов и, соответственно, наличие гидравлической связи с ними свиде-

тельствуют об отнесении спорных объектов к федеральной собственности, в связи с чем указывают на невозможность образования под ними земельных участков и ограничение в обороте [9].

Приведенный судебный спор касается пруда на реке и пруда на временном водотоке (в балке), служащим притоком реки. Любое образование руслового пруда даже на небольшой реке или ручье [10] не означает, что с изменением некоторых гидрологических условий (связанных с подпором малой плотиной) образуемый рукотворный водоем перестает быть частью постоянного или временного водотока. По указанным причинам, данный водоем (пруд) не может находиться в частной собственности, если реально является частью федерального водотока (реки или ручья). Названное «если» имеет вполне определенное значение: ведь бывают случаи, когда за несколько десятилетий (30–40 лет) после подпора и затем частичного засыпания небольшие водотоки прекратили свое существование. Но это требуется подтвердить посредством объективной и непредвзятой экспертизы, которую должен назначить суд. Названная экспертиза имеет особое значение в условиях устаревания многих данных государственного водного реестра.

Следует также привести другой судебный спор. Обратимся к постановлению Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.10.2015 N Ф01-3770/2015 по делу N А39-4786/2014, которое содержит характерные факты и обстоятельства.

Суды установили, что ручей Иванов Ключ

длиной четыре километра протекает по территории Чамзинского района Республики Мордовия и расположен к югу от районного поселка Чамзинка, примерно в 1500 метрах от деревни Иванова Поляна; ручей впадает в реку Малая Кша, которая включена в Водный реестр России под кодом 08010500312110000036784, код бассейна 08.01.05.003. По данным государственного водного реестра России река Малая Кша относится к Верхневолжскому бассейновому округу, речной подбассейн реки — Сура. Данная река протекает не только по Республике Мордовия, но и по Пензенской области и Чувашской Республике. Устье находится в 4,9 километрах по левому берегу реки Большая Кша. Таким образом, река Малая Кша и ручей Иванов Ключ находятся в федеральной собственности.

Иваново-Полянский пруд представляет собой естественный русловый водный объект, поскольку расположен непосредственно на ручье Иванов Ключ — на водотоке (на ручье), имеет естественную гидравлическую связь с другими поверхностными водными объектами — реками Малая Кша и Волга и был образован в результате постройки гидротехнического сооружения, регулирующего водный режим пруда.

Поскольку отчуждение земельного участка на основании договора купли-продажи от 13.09.2013 N 87 произведено без учета факта нахождения в границах этого участка водного объекта (ручья Иванов Ключ), относящегося к федеральной собственности, являющегося составной частью реки Малая Кша,

спорный договор обоснованно признан недействительной (ничтожной) сделкой, как не соответствующей статье 9 Земельного кодекса Российской Федерации (далее ЗК РФ) и статьям 8 и 24 Водного кодекса Российской Федерации.

Доводы заявителя об отнесении спорного земельного участка к землям сельскохозяйственного назначения не имеют правового значения, поскольку наличие записи в государственном кадастре недвижимости о категории спорного земельного участка не может изменить вид водных объектов, расположенных на нем, и применяемых к такому объекту правовых норм.

Как видно из материалов дела, произошла незаконная продажа земельного участка с ручьем и прудом. В силу небольших размеров и отсутствия определения понятий «ручей», «пруд», «руслевой пруд» в ВК РФ, ЗК РФ и других федеральных законах России с данными водотоками и водоемами происходят незаконные действия, включая произвольное запруживание, противоправные сделки. Они, в частности, могут быть проявлением коррупции. В свою очередь, правоохранительные органы и общественность затруднена в своих действиях, ибо не имеет прямой опоры на нормы федерального законодательства.

При этом в материалах судебной практики нередко встречаются неверные утверждения в духе: «пруд не русловой, а искусственный». С данными утверждениями трудно согласиться с точки зрения науки. Согласно пп. 178 и 179 ГОСТ 19179-73 (не имеют обязательной силы), пруды всегда искусственные. Они об-

разуются от установки водонапорного сооружения на водотоке (река, ручей) с целью хранения и регулирования стока или (и) в специально выкопанном углублении. Однако они в целом не влияют на обоснованность решения судов.

Преимущественная тенденция судебной практики ставит настоятельно вопрос о прямом исключении (недопущении) в ст. 8 ВК РФ собственности физических и юридических лиц на русловые пруды.

Исходя из приведенной нами судебной практики, необходима большая завершенность норм-дефиниций водного законодательства. Нужны прямые определения понятий «река», «ручей», «озеро», «водохранилище», «пруд», «руслевой пруд», «обводненный карьер» в ВК РФ. Данная идея не раз обосновывалась, выдвигалась и развивалась специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [11].

Итак, в целях четкого определения круга водных объектов, на которые допускается частная собственность, необходимо легальное определение понятий прудов и обводненных карьеров. Это обеспечит однозначное толкование положений закона, «снизит коррупционные риски в связи с желанием приватизировать малые озера, назвав их прудами; позволит избежать злоупотребления и ошибки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления» [12, с. 305–309]. Следует отметить, что постоянное наблюдение (мониторинг), последовательный кадастровый учет малых водотоков и

водоемов обеспечит применение требований закона к водопользованию, а также полноценный водный контроль и надзор. К сожалению, что в течении ряда лет многие ручьи и малые реки, пруды и обводненные карьеры, небольшие озера становились объектом произвольных действий по запруживанию, засыпанию, осушению со стороны хозяйствующих субъектов. Во многом это стало возможным в силу неполноты государственного водного реестра и других государственных банков данных, что буквально исключало малые водоемы и водотоки из правового поля и нередко снимало ответственность уполномоченных органов власти за эти «формально не существующие» поверхностные водные объекты.

Все сказанное подтверждается практическим случаем, приведенным в отечественных СМИ. Например, в ряде регионов высокопоставленные лица (чиновниками и руководители бизнес-структур) инициируют произвольное запруживание рек с захватом живописных рощ и дубрав для строительства дворцов. Причем в документах русла рек или ложе озер выдается за земельные участки, используемые для жилищного строительства и рекреационных целей. Использование узкой группой лиц зон отвода очистных сооружений и плотин для своих развлекательных целей представляет угрозу для водных экосистем. Однажды ради строящегося коттеджного поселка, наглухо засыпали и перекрыли протоку, питающую озеро. Озеро это использовалось как охотничье и рыболовное угодье жителями элитного коттеджного поселка. Каково же было их удивление, когда этот водо-

ем через несколько лет полностью обмелел! На подобные нарушения местные власти зачастую закрывают глаза, что требует проверки на коррупционную составляющую. К решению данной проблемы необходимо подключать всех заинтересованных лиц, природоохранные организации, общественные палаты и советы.

Подземные водные объекты и коррупционные риски. Защищенные пластами горных пород, подземные водные объекты в целом подвержены гораздо меньшему негативному воздействию, чем поверхностные реки и озера. Однако в отличие от поверхностных водных объектов подземные воды в силу своих гидрологических свойств не обладают достаточными механизмами самоочищения и могут порядка столетия после самого загрязнения таить в себе вредные вещества. При этом в последние годы отчетливо прослеживается рост загрязнения и истощения подземных вод.

Даже при условии многолетнего правового регулирования в области использования подземных вод выявляется, что некоторые предприятия закачивают загрязненные сточные воды в глубокие подземные горизонты. Прокуратура и Ростехнадзор через суд добывались прекращения закачивания химически загрязненных соков, содержащих отходы первого класса опасности (ртуть) [13, С. 20–21]. В настоящее время среди причин неэффективности применения мер юридической ответственности за правонарушения в области использования и охраны подземных вод называют высокую латентность, сложность дока-

зательства причинно-следственной связи между очевидными последствиями правонарушения и фактом правонарушения [14, с. 11–12]. В данном случае возможно обусловленное коррупционными проявлениями сокрытие доказательств.

Многообразие природных свойств подземных вод определяет многоцелевой характер их использования, что обуславливает наличие множества субъектов права пользования подземными водами, интересы которых могут не совпадать, а, подчас, — противоречить друг другу, что может создавать злоупотребления конфликтные ситуации, судебные споры и т. д. [15].

Однозначность границ любых природных благ, находящихся в чьей-либо собственности, аренде, ином владении или пользовании всегда есть важная профилактика от конфликтов и злоупотреблений, включая коррупционные проявления. Данное утверждение справедливо к горизонтам и бассейнам подземных вод.

Согласно ст. 5 ВК РФ, границы подземных водных объектов (водоносные горизонты и месторождения подземных вод) определяются в соответствии с законодательством о недрах. Однако Закон «О недрах» об этих границах умалчивает. В итоге федеральное законодательство вообще не содержит концептуального представления о границах подземных водных объектов, в том числе — карстовых водных объектов. В частности, остается не ясно, к чему относить горные породы, облегающие (или вмещающие) природные воды, как проводить границу с сосед-

ними геометризованными участками недр, предоставленными на законном основании хозяйствующим субъектам. Данная задача особенно важна с учетом дальнейшего поэтапного освоения запасов подземных вод, привлечения инвестиций в указанную область. К сожалению, в силу коррупции уполномоченные должностные лица и отдельные подразделения могут «не заметить» использование нефтегазовыми компаниями запасов подземных вод, по качеству своему подходящих для питьевого использования.

Далее в связи с активизацией освоения запасов подземных вод нужно гарантировать интересы инвесторов, создающих дорогостоящую инфраструктуру, а с другой — защищать и продвигать общественные интересы по экономному водопользованию. Полезна выработка договорных конструкций, обеспечивающих эффективное государственно-частное партнерство в области создания и функционирования в недрах искусственных резервуаров с подземными водами, пригодными для употребления в различных отраслях экономики. В связи с данными соображениями была бы полезна разработка Примерных форм договора о создании и функционировании в недрах искусственных резервуаров с подземными водами, аналогичных примерным формам договоров водопользования, действующих в настоящее время в связи с поверхностными водными объектами.

Данное предложение имеет и антикоррупционную направленность. Ведь предлагаемый в ряду законопроектов разрешительный (лицензионный) порядок предоставления недр

для сооружения резервуаров подземных вод не гарантирует инвестиции от произвольных действий и, следовательно, не выгоден для инвесторов. В случае, если органы власти будут иметь возможность аннулировать лицензию, то при действии неблагоприятных факторов возникнет опасность произвольного давления и вымогательства со стороны ответственных сотрудников этих органов по отношению к хозяйствующим субъектам. В свою очередь договорный порядок использования подземных вод предполагает досрочное прекращение права пользования подземными водными объектами через суд. Это правовое свойство договорного порядка затрудняет коррупционные проявления.

Меры по устранению упомянутых последствий загрязнения подземных вод предусматриваются в постановлении Правительства РФ от 11.02.2016 г. N 94 «Об утверждении Правил охраны подземных водных объектов» [16], к числу которых относится ликвидация очагов загрязнения подземных вод. Очевидно, названную меру следует осуществлять хозяйствующим субъектам, наделенным правом пользования этим природным ресурсом и виноватым в возникшем загрязнении. Во всяком случае, природопользователи в случае их наличия не должны уклоняться от решения подобных задач.

Коррупционные риски и монополизм в области водных отношений. Как известно, проблема противостояния коррупции тесно связана с правовым регулированием конкуренции и экономической концентрации. При этом конкуренция между природопользова-

телями (в том числе — водопользователями) позволяет со временем добиться складывания наиболее экологически оправданных условий использования того или иного вида природного ресурса при наименьшей антропогенной нагрузке.

В статье 40 ВК РФ закрепляется запрет на монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию в области использования водных объектов. Федеральным органам исполнительной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, запрещается принимать акты и (или) осуществлять действия (бездействие), а также заключать соглашения или осуществлять согласованные действия в области использования водных объектов, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции.

При сохранении общего запрета на монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию в изучаемой области в ВК РФ и подзаконных нормативных правовых актах все же возникли пробелы, создающие риски ограничения конкуренции и возникновения коррупционных проявлений.

Исходя из статьи 19 ВК РФ, водопользователь с согласия уполномоченных органов государственной власти или местного самоуправления вправе передавать свои права и обязанности по договору водопользования другому лицу [17]. Передача прав и обязанностей по договору водопользования другому лицу осуществляется в соответствии с гражданским законодательством (при этом законо-

датель даже не уточняет, какой из гражданско-правовых механизмов имеется в виду). При этом, поскольку в силу ВК РФ договор водопользования заключается на основании аукциона, то передача прав по этому договору другому лицу способствует обходу заинтересованными лицами предписаний водного законодательства о том, что «новый» водопользователь должен выиграть аукцион [18, с. 302–315].

Если ранее предшествующий водопользователь выигрывал аукцион и по его результатам заключал договор водопользования, то новый водопользователь получает свои права и обязанности по договору водопользования и занимает место своего предшественника в обход каких-либо торгов.

Это неизбежно приводит к ограничению конкуренции и коррупционным проявлениям, что в свою очередь может привести к складыванию «теневых» водопользователей-монополистов, вытесняющих другие хозяйствующие субъекты, первоначально выигрывающие торги.

В ст. 19 ВК РФ урегулированы некоторые процедурные вопросы изучаемых отношений, которые, однако, не устраняют коррупционные риски. Заявление водопользователя о даче согласия на передачу прав и обязанностей по договору водопользования другому лицу должно быть рассмотрено исполнительным органом государственной власти или местного самоуправления не позднее, чем через тридцать дней со дня получения такого заявления. В свою очередь, отказ исполнительного органа государственной власти

или органа местного самоуправления в даче согласия на передачу прав и обязанностей по договору водопользования другому лицу может быть обжалован в судебном порядке. Права и обязанности по договору водопользования считаются переданными после регистрации в государственном водном реестре. Следовательно, на уполномоченные органы возлагается обязанность поддерживать такое ограничение конкуренции.

Таким образом, через правовую конструкцию передачи прав и обязанностей по договору водопользования закрепляется возможность для безнаказанного обхода правил состязательности в части допуска хозяйствующих субъектов к водным объектам и создаются преимущества для ряда лиц, что приводит к ограничению конкуренции.

С учетом изложенного, требуется внесение изменений и дополнений в ВК РФ и подзаконные акты, в которых нужно таким способом урегулировать отношения между старыми и новыми водопользователями в случае передачи прав и обязанностей по договору водопользования, что будет сохранена состязательность доступа хозяйствующих субъектов к водным объектам и нейтрализованы коррупционные риски.

Заключение. В области использования и охраны водных объектов России коррупция усиливает экологические угрозы и подрывает систему правового регулирования отношений по использованию и охране водного фонда. Коррупция в указанной области нередко выходит за рамки рутинных отношений граждан и должностных лиц (бытовая коррупция) и ка-

сается отношений в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (деловая коррупция). Она нередко подпитывается имеющимися отрицательными явлениями монополизма и правового нигилизма. Для борьбы с коррупционными проявлениями в этой области необходимо не только строгое исполнение требований закона, но и дальнейшее развитие водного и смежного законодательства, исключая коррупционные риски и проявления.

Предложенные автором изменения в законах и подзаконных нормативных правовых актах, а также в ряде сегментов практики правоприменения, позволят восполнить дефекты и снять противоречия в правовом регулировании водных отношений. При этом, именно в нейтрализации коррупциогенных факторов в области водных отношений заключается необходимая предпосылка обеспечения неистощительного водопользования. В случае реализации предложенных автором предложений будет повышена эффективность правового регулирования водных и иных природоресурсных отношений.

Как представляется, предложения автора будут способствовать дальнейшей дифференциации правового регулирования отношений в области использования и охраны водного фонда в части появления новых правовых институтов и субинститутов, а также выработки специфических способов и приемов воздействия на участников изучаемых отношений.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2008. N 52. Ч. 1. Ст. 6228.
2. Указ Президента РФ от 13.04.2010 N 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / под. ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, Инфра-М. 2016. 376 с.
4. СЗ РФ. 2006. N 23. Ст. 2381.
5. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С. А. Боголюбов, Г. А. Волков, Д. О. Сиваков; отв. ред. С. А. Боголюбов. М.: Велби, Проспект, 2007. 248 с.
6. Здесь и далее — Водное законодательство и экологические вызовы: сборник материалов Научно-практической конференции / сост. С. А. Боголюбов, Д. О. Сиваков, О. А. Золотова. М.: ИЗиСП, Издательство «Анкил», 2012. С. 305–309.
7. Михеев Н. Н. Вода — не товар // Экология и жизнь. 2005. N 7 (48).
8. См. СПС «КонсультантПлюс».
9. В данном случае следует пояснить, что, согласно ст. 27 Земельного кодекса РФ, земли, покрытые поверхностными водами, ограничены в обороте.
10. Ручьи протекают на дне в том числе и балок.
11. Научные концепции развития российско-

го законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: ИЗИСП, ИД «Юриспруденция». 2015. С. 302–315; Сиваков Д. О. Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности: монография. М.: ИЗИСП, «Юриспруденция». 2012. 352 с.

12. Водное законодательство и экологические вызовы: сборник материалов Научно-практической конференции / сост. С. А. Боголюбов, Д. О. Сиваков, О. А. Золотова. М.: ИЗИСП, Издательство «Анкил». 2012.

13. Плата за грязь // Экология и жизнь. 2007. N 10. С. 20–21.

14. Мухина Э. Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

15. Там же.

16. СЗ РФ. 2016. N 8. Ст. 1115.

17. Законодатель делает одно исключение: запрещено передавать права и обязанности по договору водопользования в части забора (изъятия) водных ресурсов из поверхностных водных объектов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

18. Концепция развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М.: ИЗИСП, Эксмо. 2015.